

Место, где должны были пройти занятия, находилось в тихом и уединённом маленьком кабинете в стенах дворца наследного принца и называлось «комната безмятежности».

Когда Юн Шань и Юн Ци вместе дошли до кабинета, их встретил нынешний наставник наследного принца — Ван Цзинцяо, который приехал пораньше и уже давно ожидал их. Юн Шань улыбнулся и, обращаясь к наставнику, сказал пару слов, объяснив, почему они задержались и прибыли с опозданием.

После чего юноша почтённо поклонился и вместе с Юн Ци уселся за стол. Между столами был небольшой промежуток, отделяющий старшего брата от младшего. На столе лежали уже заранее приготовленные четыре драгоценности кабинета: кисть, тушь, тушечница, раскрытый белый лист бумаги — и в придачу учебник.

— Сегодня всё же... Мы поговорим о Лао-цзы и Чжуан-цзы.

Ван Цзинцяо было около шестидесяти лет. По причине старости его глаза утратили ясность, говорил он медленно и невнятно, а сказав несколько слов, мужчине нужно было всё не спеша обдумать, прежде чем что-нибудь сказать дальше, иначе он мог закашляться.

Однако Юн Шань и Юн Ци знали, что этот мужчина является старым императорским слугой. С годами у мужчины портилось здоровье, и тогда отец-император приказал ему половину дня работать, а половину — отдыхать, заодно обучать сына императора. Несмотря на его медлительное обучение, из-за которого Юн Шань выходил из себя и терял всякое терпение, мужчину он всё же очень уважал и относился к нему с особым почтением.

— Глава «О равенстве вещей», э... Вы читали её?

Ван Цзинцяо взял книгу и прочёл один раз, однако из-за того, что мужчина был стар, его слова и произношение звучали невнятно. Но, так как мужчина привык очень добросовестно исполнять порученные ему государственные дела, всякий раз, когда у него не получалось с первого раза внятно прочесть текст, он останавливался, переводил дыхание и снова перечитывал его лучше, чем в первый раз.

Прочитав текст, мужчина начинал разъяснять прочитанное, потом снова приступал к чтению, после которого вновь приступал к объяснениям.

Почти два часа мужчина читал, перечитывал и объяснял четыре абзаца трактата Чжуан-цзы «Естественный порядок вещей» [1]. Из-за долгих объяснений в его рту пересохло. Договорив, мужчина неторопливо отпил чаю, который ему подали, и поглядел на двух чинно сидевших императорских сыновей:

— Ваши Высочества, есть ли у вас какие-нибудь вопросы, подумайте, может, вам что-то было непонятно?

Юн Шань поглядел на Юн Ци.

Юн Ци слегка качнул головой.

Устремив очень многозначительный взгляд, мужчина пристально поглядел на двух высочеств и медленно проговорил:

— Ну, если вам всё было понятно, эм, тогда я сразу... задам вам несколько вопросов для проверки. Ваше Высочество Юн Ци, скажите, что значит «соединяясь друг с другом, создаём ссоры, день за днём используем сердце, чтобы сражаться»? [2]

— Хорошо, учитель, — отозвался Юн Ци и, опустив голову, задумался. Немного подумав, юноша не торопясь проговорил: — Это означает, что у людей, живущих вместе, возникает желание целыми днями затевать войну друг с другом.

— В таком случае... Какое мнение у Вашего Высочества?

— Это достойно сожаления.

— Э? — Старый слуга Его Величества, по совместительству наставник наследного принца, не сказал ни да, ни нет. Мужчина лишь мутными глазами посмотрел на Юн Ци и после недолгого молчания пробормотал: — Ваше Высочество ещё ребёнок, но, несмотря на это, знает о сожалении. Что же, этот ответ верный. Однако это предложение можно трактовать не только так, как сделал Ваше Высочество. «Соединяясь друг с другом, создаём ссоры, день за днём используем сердце, чтобы сражаться» также можно трактовать, как человек каждый момент времени что-то учит, познаёт, чувствуя, как всё это влияет не только на него, но и на твоё сердце.

Сердце Юн Ци затрепетало, а сам юноша, опустив голову, слушал наставления учителя.

Наставник вздохнул, а затем, переведя взгляд мутных глаз, обратился к Юн Шаню:

— Ваше Высочество Наследный принц, услышав только что моё объяснение, хм... У вас появились какие-нибудь мысли?

Юн Шань растянул губы в лёгкой улыбке:

— Я думаю, что эти слова можно трактовать ещё как «они словно данная клятва; они, можно сказать, защищают; они, словно осень и зима, укрывают всё шлейфом смерти, говоря, что время подходит к концу, ежедневно исчезая, словно заходящее за горизонт солнце».

— Э? Прошу Ваше Высочество наследного принца, опираясь на собственные мысли, объяснить

значение только что сказанных слов.

— Хорошо, поясню. Собственные мысли, словно клятва, присутствуют в сердце, неосознанно мы прибегаем к ним, чтобы одержать победу.

— Тогда... Что значит следующая фраза?

Юн Шань на мгновение задумался, после чего внезапно улыбнулся, смеясь над собой, и равнодушно произнёс:

— «Они, словно осень и зима, укрывают всё шлейфом смерти» — это означает, что всё увядает, словно трава, которая осенью и зимой становится сеном. Однако проживая жизнь, кто, в конце концов, не может стать осенне-зимним сеном?

На покрытом морщинами лице Ван Цзинцяо медленно расцвела старческая улыбка. Улыбаясь, мужчина покачал головой и пробормотал:

— Неверное толкование, неверное. Увы, испокон веков много ли людей смогли правильно трактовать великие учения Лао-цзы и Чжуан-цзы? Это Ваше мнение, Ваше Высочество. И, судя по тому, что Ваше Высочество наделён умом, никому и никогда Вас не переубедить.

Поставив чашечку с чаем, мужчина, дрожа, поднялся на ноги:

— Сегодня мы разбирали эти две фразы. К сожалению, я слишком стар и не могу долго сидеть на одном месте.

Два ученика тотчас же поднялись на ноги: Юн Ци помогал пожилому наставнику, поддерживая его и медленно выводя из кабинета. Юн Шань тем временем приказал Чан Дэфу отправить слуг, чтобы те подали маленький закрытый паланкин. После чего сопроводили учителя и посадили его в поданное средство передвижения.

Проводив взглядом закрытый паланкин, в котором сидел наставник, Юн Шань и Юн Ци обернулись и поглядели друг на друга.

— Просидев два часа, ты устал или нет? — спросил Юн Шань. — Хорошо бы чего-нибудь перекусить, согласен?

Предаваясь приятным воспоминаниям, которые он только что пережил, сидя на уроке, Юн Ци проговорил:

— Императорский наставник для меня проводил урок, несмотря на то, что он является наставником наследного принца. В конце концов, я впервые слушал его лекцию. И хоть он

говорил очень медленно, но вспоминая этот урок, мне кажется, он действительно был интересным.

— Конечно, ведь на удивление он потрясающий наставник. — Юн Шань повёл за собой Юн Ци и, войдя в двери, приказал Чан Дэфу приготовить еду, которую потом нужно было подать в маленькой боковой комнате на стол возле окна, чтобы за трапезой наслаждаться великолепным зимним пейзажем.

Когда два брата всё же вошли в эту комнату, несколько слуг встретили и поприветствовали их. Взяв верхнее платье, которое Его Высочество надевал на встречу с наставником, слуги помогли снять его с плеч, переодев юношу в лёгкую и обычную одежду.

Юн Шань подозвал к себе придворного, чтобы тот помог ему снять целый ряд нефритовых украшений, которые сейчас были на нём. Сначала он снял квадратное нефритовое украшение с ажурной резьбой в виде морды мифического животного. Затем — нитку кистей в форме подвесок красного цвета вместе с яшмовым крючком в форме двух водоплавающих птиц, что служили своеобразной пряжкой на поясе. На этом юноша не остановился. Дальше он избавился от четырёх яшмовых цепочек, которые нужно было носить, например, на талии. К тому же такая нефритовая цепочка выглядела очень изысканной и благородной и могла украсить собой как широкий пояс, так и одежду Его Высочества. Неудивительно, что люди выбрали именно их и принесли во дворец в качестве подарка.

Отец-император получил очень много подарков, и большую часть подношений сделали ему иностранные подданные. Являясь наследником престола, Юн Шань, конечно же, получил несколько десятков подаренных украшений. Слуги внесли небольшую квадратную тарелку, которая была обшита жёлтым атласом, и подали Его Высочеству, но Юн Шань лишь взглянул на подарок и больше к нему не возвращался. Однако сегодня, найдя эту тарелку с подношениями, юноша нашёл в ней нечто весьма забавное.

Этими украшениями невозможно было не залюбоваться.

Немного подумав, Юн Шань взял нефритовое украшение и, подойдя сзади к Юн Ци, проговорил:

— Старший брат Юн Ци, стой смирно и не шевелись.

Обвив талию Юн Ци, Юн Шань аккуратно прикрепил украшение ему на пояс. Оно уже было собрано в единую нитку, и сейчас его повесить было не так уж сложно, и вскоре нефриты уже красовались на талии Юн Ци.

— Так намного красивее.

Юн Ци свёл брови к переносице и, как только Юн Шань убрал руки, поспешил снять с себя подарок Его Высочества:

— Это украшение наследного принца, а это значит, что никому нельзя носить вещи, принадлежащие Его Высочеству.

Юн Шань схватил его руку:

— На нём не написано, что это принадлежит наследному принцу. Это украшение всего лишь безделушка, зачем ты придаёшь этому такое большое значение? Тебе ненавистны мои вещи?

Юн Ци заметил, как поменялся тон младшего брата, став немного злым, и в недоумении застыл, боясь сдвинуться с места.

Юн Шань не обратил на него никакого внимания. Взяв вещицу, юноша вновь вернул её на пояс Юн Ци, немного крепче прикрепляя украшение к ткани. Как только ему удалось всё сделать, Юн Шань проговорил:

— Ты тоже должен изысканно одеваться, чтобы хоть немного показать, что ты являешься сыном императора. Иначе, если наложница Ли увидит тебя в обносках, то наверняка подумает, что я, новый наследник престола, слишком безжалостен к тебе.

Юн Ци, услышав «наложница Ли», слегка изменился в лице и после недолгого молчания показал всем своим видом Юн Шаню, что больше не намерен спорить.

Юн Шань, поняв, что Юн Ци ему повиновался, мягко проговорил:

— Старший брат Юн Ци, мы сначала немного чего-нибудь перекусим. Урок сильно затянулся, неужели ты после него не выпьешь даже капли чая? Раньше ты тоже учился так старательно и прилежно?

Взяв Юн Ци за руку, Юн Шань подвёл его к столу, что располагался возле окна, и юноши сели за него.

В это время Чан Дэфу неслышно подошёл и проговорил:

— Ваше Высочество, Его Высочество пятый принц просит аудиенции.

В глазах Юн Шаня внезапно появился знакомый блеск, но так же быстро исчез, а сам Юн Шань равнодушно выдохнул: «Угу», а после добавил:

— Ясно. Отправь людей к дверям, чтобы они не позволили переступить порог. Не зачем впускать его, иначе он подпортит настроение.

— Слушаюсь! Ваш слуга сию же минуту отправится выполнять приказ.

— Чан Дэфу.

Мужчина, услышав голос Юн Шаня, сразу остановился:

— У Вашего Высочества наследного принца есть ещё какие-нибудь распоряжения?

— Иди и скажи Юн Шэну, что я уже выполняю то дело, что он мне поручил, только действую медленно. Пускай не волнуется. Как только появятся какие-нибудь новости, я лично приду к нему и расскажу их. Когда ты будешь передавать ему мои слова, будь осторожен, веди себя обходительно, незачем вызывать его гнев.

— Слушаюсь! Ваш слуга непременно будет осторожен.

Они рано встали, чтобы отправиться на занятия, и вот сейчас у двух братьев в животе урчало от голода.

Блюда очень скоро стали появляться на столе, причём именно те, которые любил Юн Ци.

Юн Шань помог юноше достать и положить в пиалу дофу:

— Дофу очень полезная еда, но, к сожалению, слишком постная. И чтобы было вкуснее, я попросил слуг добавить в дофу юньнаньский окорок, который выпаривался на медленном огне.

Юн Шань и Юн Ци приступили к трапезе. Но вскоре их завтраку помешал звук шагов, что становился ближе и ближе.

Юн Шань, не выдержав, обернулся и поглядел на вновь вошедшего Чан Дэфу:

— Ну что ещё случилось?

Сзади Чан Дэфу следовали ещё двое слуг, которые держали в руках расшитые атласом квадратные тарелки. Лишь глянув на них, сразу было понятно, что там дорогие украшения из яшмы:

— Это подношение Вашему Высочеству. Его Высочество Юн Шэн уже отбыл, как только Ваш слуга сказал ему всё, что было велено Вашим Высочеством. Перед отъездом он оставил несколько подарков, сказав, что это в знак прочтения старшему брату наследному принцу...

Юн Шань махнул рукой:

— Хорошо. Проверьте, нет ли там запретных или нарушающих закон вещей. Если там всё чисто и законно, можете убрать подальше, и на этом мы забудем о его подарках. Неужели по такому делу, которое больше напоминает куриный пух и чесночную шелуху, стоило приезжать сюда и мешать нашей братской трапезе?

Чан Дэфу и сам понимал, что явился некстати. Быстро отдав приказ своим людям, мужчина также поспешно вышел прочь.

Юн Шань пристально наблюдал за слугами, которые покидали комнату, и, как только дверь за ними закрылась, он повернулся к столу и вновь вернулся к прерванному завтраку. Опустив голову, юноша увидел в пиале большой кусочек юньнаньского окорока, и его взгляд моментально упал на старшего брата. На губах появилась улыбка, и юноша, обращаясь к сидящему напротив Юн Ци, спросил:

— Не поможешь мне съесть этот окорок?

Юн Ци под взглядом младшего брата почувствовал себя неловко. К тому же ему не хотелось отвечать, но нужно было, и спустя какое-то время юноша с грустью проговорил:

— Я не люблю есть юньнаньский окорок. Он был спрятан внутри дофу...

С каждым словом Юн Ци улыбка на губах Юн Шаня становилась всё шире. Уголки губ поднимались выше, обнажая белоснежные и ровные зубы юноши. Эта широкая улыбка меняла лицо Юн Шаня, делая его очень привлекательным.

— Я приказал повару вытащить кусочек окорока и подать его на стол. Наверно, он небрежно его вытаскивал и оставил в дофу кусочек. Если тебе снова попадётся окорок, отдай его мне, я тотчас же его съем. — Юн Шань с огромным воодушевлением зачерпнул немного дофу.

Но он ещё не успел положить вытащенный дофу в пиалу Юн Ци, как вновь раздался звук шагов.

Юн Шань, много лет тренировавшийся военному искусству, обладал потрясающим слухом в отличие от простого человека. Услышав звук шагов, юноша испытал безграничную тревогу. Потерять всякое терпение, Юн Шань обернулся и громко проговорил:

— Что бы ни произошло, оставьте меня в покое! Пошли прочь! Вы нам позволите сегодня спокойно поесть?

Не успел юноша закончить фразу, как не боящийся смерти человек приподнял занавеску. Войдя в комнату, человек сделал несколько шагов вперёд и с озорной улыбкой на лице проговорил:

— Ах, я так и знал, что лучше прийти вовремя, чем прийти рано! Я как раз проголодался.

Вновь вошедшим оказался нарушитель спокойствия, любящий носиться во все стороны озорник — Юн Линь.

Примечание:

[1] В русском переводе этот трактат известен как «Чжуан-цзы», названный по имени автора.

[2] Цитата из главы «О равенстве вещей» из трактата «Чжуан-цзы».

<http://bllate.org/book/13372/1189568>